Институт искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права

Иванов Сергей Владимирович
Аспирант, Московский финансово-промышленный Университет «Синергия», ivanovsergei5@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права. Выделены три базовые модели регулирования: риск-ориентированная горизонтальная (Европейский Союз, Южная Корея), секторально-фрагментированная (США, Израиль), вертикально-контрольная (Китай). Детально проанализирован Регламент ЕС 2024/1689 (AI Act), устанавливающий первый в мире комплексный правовой режим искусственного интеллекта на основе классификации систем по уровням риска. Рассмотрена судебная практика по вопросам алгоритмического правоприменения, включая знаковое дело State v. Loomis в США и решения Суда ЕС по автоматизированному принятию решений. Особое внимание уделено применению искусственного интеллекта в государственном управлении, правосудии и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, публичное право, EU AI Act, алгоритмическое регулирование, предиктивное правосудие, автоматизированное принятие решений, права человека, цифровое управление, сравнительное правоведение.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед современным публичным правом беспрецедентные вызовы. Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act), принятый в 2024 году, знаменует формирование первого в мире комплексного правового режима ИИ, основанного на риск-ориентированном подходе. Параллельно развиваются принципиально иные модели регулирования: секторальная (США), вертикально-контрольная (Китай), мягко-правовая (Великобритания, Япония). Конвенция Совета Европы об ИИ, открытая для подписания в сентябре 2024 года, стала первым юридически обязывающим международным договором в данной сфере [1]. Российская доктрина активно исследует зарубежный опыт, однако национальное регулирование ограничивается стратегическими документами и экспериментальными правовыми режимами.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью системного осмысления глобальных тенденций правового регулирования ИИ для целей совершенствования российского законодательства. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением и использованием систем искусственного интеллекта в публично-правовой сфере. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, судебная практика и доктринальные источники, регулирующие применение ИИ в различных зарубежных юрисдикциях. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы исследования.

Сравнительный анализ зарубежных юрисдикций позволяет выделить три базовые модели правового регулирования ИИ, различающиеся по степени регулятивного вмешательства, институциональной архитектуре и приоритетам защиты. Каждая из моделей отражает специфические правовые традиции, политические приоритеты и экономические интересы соответствующих государств. Выбор модели регулирования определяется балансом между необходимостью защиты прав граждан и стремлением обеспечить конкурентоспособность национальной технологической отрасли.

Риск-ориентированная горизонтальная модель (ЕС, Южная Корея, Бразилия) характеризуется созданием единого комплексного законодательного акта, классифицирующего ИИ-системы по уровням риска. Данная модель основывается на принципе пропорциональности: интенсивность регулятивного воздействия возрастает по мере увеличения потенциального вреда от применения соответствующей технологии. Регламент ЕС 2024/1689 устанавливает четырёхуровневую классификацию: недопустимый риск (запрещённые практики), высокий риск (строгое регулирование), ограниченный риск (требования прозрачности), минимальный риск (без специального регулирования) [2]. Статья 5 AI Act запрещает 8 категорий практик, включая социальный скоринг государственными органами, предиктивную полицию исключительно на основе профилирования личности и биометрическую идентификацию в реальном времени в публичных местах с ограниченными исключениями [3]. Санкции достигают 35 млн евро или 7% мирового оборота — самые высокие штрафы в праве Европейского Союза [4].

Секторально-фрагментированная модель (США, Израиль) опирается на регулирование ИИ существующими отраслевыми регуляторами без принятия горизонтального закона. Данный подход отражает традиционное для американской правовой системы недоверие к масштабному ex ante регулированию и предпочтение корректировки правоприменительной практики через судебные решения. Несмотря на Executive Order 14110 об ИИ (октябрь 2023), отменённый администрацией Трампа в январе 2025 года, основное регулирование осуществляется на уровне штатов [5]. Калифорния приняла регламенты CPPA по автоматизированному принятию решений (вступают в силу в 2026–2027 гг.), Колорадо — первый комплексный штатный закон об ИИ (SB 24-205, применение отложено до июня 2026 г.), Иллинойс — законодательство о биометрических данных (BIPA) и ИИ-видеоинтервью, Нью-Йорк — требования аудита автоматизированных инструментов найма (Local Law 144) [6]. Данная фрагментация создаёт значительные проблемы правовой определённости для операторов, действующих в нескольких штатах.

Вертикально-контрольная модель (Китай) сочетает поощрение инноваций со строгим контролем контента и информационного пространства. КНР первой в мире приняла специальные регуляторные акты об алгоритмических рекомендациях (2022), глубоком синтезе (2023) и генеративном ИИ (2023) [7]. Уникальной чертой является обязательный алгоритмический реестр CAC, насчитывающий более 5000 зарегистрированных алгоритмов к ноябрю 2025 года. Положения требуют соответствия «социалистическим базовым ценностям» и прохождения оценки безопасности для сервисов с «общественно-мнениевыми свойствами» [8]. Данная модель отражает специфику китайской политико-правовой системы, в которой приоритет отдаётся государственному контролю над информационным пространством при одновременном стимулировании технологического развития.

Регламент (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 года (AI Act) представляет собой наиболее амбициозную попытку комплексного правового регулирования искусственного интеллекта в мировой практике. Акт вступил в силу 1 августа 2024 года с поэтапным применением положений: запреты на недопустимые практики действуют с 2 февраля 2025 года, правила о моделях общего назначения (GPAI) — с 2 августа 2025 года, основной массив требований к высокорисковым системам — с 2 августа 2026 года [9]. Данный поэтапный подход призван обеспечить адаптацию рынка к новым требованиям и предотвратить резкие нарушения экономической деятельности.

Приложение III AI Act относит к высокорисковым системам в публичном секторе: оценку права на государственные услуги и пособия, индивидуальную оценку рисков совершения правонарушений, детекторы лжи и оценку рисков при миграционном контроле, системы помощи судебным органам в исследовании и толковании фактов и права [10]. Данный перечень отражает озабоченность законодателя потенциальным воздействием алгоритмических систем на фундаментальные права граждан в сфере взаимодействия с государством. Статья 27 устанавливает обязательную оценку воздействия на основные права (Fundamental Rights Impact Assessment) для публичных органов, использующих высокорисковые системы. Статья 86 закрепляет право на объяснение индивидуальных решений, принятых с участием ИИ. Данные положения создают правовую основу для обеспечения подотчётности алгоритмических систем в публичном секторе.

Судебная практика Суда ЕС активно развивает право на объяснение алгоритмических решений. В деле SCHUFA (C-634/21, 7 декабря 2023 г.) Суд признал, что создание кредитного скоринга само по себе является автоматизированным решением по смыслу статьи 22 GDPR, даже если окончательное решение принимает человек на основе этого скоринга [11]. Данное толкование существенно расширяет сферу применения гарантий GDPR в отношении автоматизированного принятия решений. В деле Dun & Bradstreet Austria (C-203/22, 27 февраля 2025 г.) Суд подтвердил обязанность контролёра предоставить понятное объяснение логики алгоритма, указав, что коммерческая тайна не может служить основанием для полного отказа в объяснении [12]. Следует отметить отзыв AI Liability Directive в октябре 2025 года, что оставляет вопросы гражданско-правовой ответственности за вред от ИИ частично неурегулированными на уровне ЕС [13].

Отсутствие федерального закона об ИИ в США компенсируется развитой судебной практикой, устанавливающей конституционные пределы алгоритмического правоприменения. Ключевым прецедентом является дело State v. Loomis (881 N.W.2d 749, Wis. 2016), в котором Верховный суд Висконсина рассматривал использование системы оценки рисков рецидива COMPAS при назначении наказания [14]. Данное дело стало первым случаем, когда высший суд штата подробно проанализировал конституционность применения алгоритмических инструментов в уголовном правосудии. Обвиняемый Эрик Лумис утверждал, что использование закрытого проприетарного алгоритма нарушает его право на надлежащую правовую процедуру (due process), поскольку он не может оспорить методологию оценки.

Суд признал допустимым использование алгоритмических инструментов, но установил существенные ограничения: COMPAS не может быть определяющим фактором при назначении наказания; суды обязаны учитывать предупреждения о групповой природе данных, спорной точности и вопросах расовой диспропорции; закрытый характер алгоритма препятствует полному раскрытию методологии, но не делает использование системы неконституционным. Верховный Суд США отказал в 2017 году, оставив решение штата в силе и тем самым подтвердив допустимость использования алгоритмических систем при соблюдении установленных ограничений. Данный прецедент создал модель для других судов, рассматривающих вопросы алгоритмического правосудия.

Расследование ProPublica (2016) выявило, что система COMPAS демонстрирует расовую асимметрию: чернокожие обвиняемые чаще ошибочно классифицировались как высокорисковые, белые — как низкорисковые, при общей точности около 60% для обеих групп [15]. Эти данные актуализировали дискуссию о «невозможности справедливости» — математической несовместимости различных метрик алгоритмической справедливости (calibration, false positive parity, false negative parity). Невозможно одновременно обеспечить равную точность прогноза между группами и равное распределение ложноположительных результатов. На муниципальном уровне Сан-Франциско в мае 2019 года стал первым городом США, запретившим использование распознавания лиц городскими агентствами [16]. Аналогичные запреты приняты в Окленде, Бостоне, нескольких городах Массачусетса [17].

Китайский подход сочетает стратегическую цель мирового лидерства в ИИ к 2030 году с жёстким контролем информационного пространства. Регулятивная архитектура включает базовые законы о данных — Закон о кибербезопасности (2017), Закон о безопасности данных (2021), Закон о защите персональной информации (PIPL, 2021) — и специальные положения об ИИ [18]. Данная многоуровневая система обеспечивает всесторонний контроль над информационными технологиями при одновременном со-

здании условий для технологического развития. Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями (2022) впервые в мире установило обязательную регистрацию алгоритмов, право пользователей отключать алгоритмические рекомендации, защиту прав работников платформенной экономики.

Система социального кредита не является единым «рейтингом Big Brother», а представляет совокупность чёрных списков за серьёзные правонарушения, системы финансовой кредитной отчётности и муниципальных систем (менее 20 из 330 городов имеют локальные системы с баллами) [19]. Система «умных судов» (Smart Courts) наиболее продвинута в мире: интернет-суды в Ханчжоу (2017), Пекине и Гуанчжоу работают полностью онлайн; технологии распознавания речи внедрены в более чем 4200 залах судебных заседаний; система «206» в Шанхае проверяет доказательства и выдаёт рекомендации по приговорам [20]. К концу 2025 года все суды КНР должны использовать ИИ, к 2030 году планируется полная интеграция ИИ в судебный процесс.

Великобритания после Brexit избрала «про-инновационный подход» без горизонтального закона. White Paper 2023 года устанавливает 5 принципов (безопасность, прозрачность, справедливость, подотчётность, оспариваемость), применяемых существующими секторальными регуляторами (FCA, ICO, CMA, Ofcom) [21]. AI Safety Institute, созданный в ноябре 2023 года, переименован в AI Security Institute в феврале 2025 года и ориентирован на оценку передовых систем ИИ [22]. Южная Корея приняла Framework Act on AI Development and Establishment of Trust (26 декабря 2024 г.) — первый комплексный закон об ИИ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вступающий в силу 22 января 2026 года [23]. В отличие от EU AI Act, закон не содержит прямых запретов определённых практик.

Канада — единственная юрисдикция с действующей обязательной Директивой об автоматизированном принятии решений (2019) для федеральных органов, требующей алгоритмической оценки воздействия, уведомления граждан, права на объяснение, тестирования на предвзятость и публикации исходного кода государственных систем [24]. Япония последовательно придерживается модели мягкого права с принципами «человекоцентричного ИИ» (2019) и добровольными руководствами по управлению рисками. AI Promotion Act (май 2025 г.) носит продвигающий, а не ограничительный характер [25]. Причины выбора мягкого регулирования — восприятие ИИ как решения социальных проблем (старение населения), временной лаг между законом и технологией.

Применение ИИ в уголовном правосудии (predictive justice) ставит фундаментальные вопросы о соотношении алгоритмической эффективности и конституционных гарантий. Системы оценки рисков рецидива — COMPAS, LSI-R, PATTERN — используются в США при определении меры пресечения, назначении наказания, решениях об условно-досрочном освобождении. Проблема алгоритмической предвзятости имеет математическое измерение: исследования показали невозможность одновременного соблюдения различных метрик справедливости. Система, откалиброванная для равной точности между группами, неизбежно демонстрирует диспропорциональное распределение ложноположительных и ложноотрицательных результатов. Данная проблема носит фундаментальный характер и не может быть решена исключительно техническими средствами.

Право на объяснение алгоритмического решения признаётся в различных юрисдикциях с разной степенью обязательности [26]. Статья 22 GDPR закрепляет право не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, с гарантиями человеческого вмешательства и оспаривания. Статья 86 AI Act устанавливает право на «ясные и содержательные объяснения роли системы ИИ» для лиц, затронутых решениями высокорисковых систем [27]. Академическая критика указывает на ограниченность «права на объяснение»: технические ограничения объяснимости глубокого обучения, узость понятия «исключительно автоматизированного» решения, возможность формального соблюдения при сохранении непрозрачности.

Случаи массовых нарушений прав граждан алгоритмическими системами государственного управления подтверждают необходимость специального регулирования. Robodebt в Австралии (2016–2019) — автоматический расчёт переплат получателям пособий с ошибочным алгоритмом, сравнивавшим данные в несовместимых форматах, — привёл к 400 000 ошибочных уведомлений о долге, компенсациям в 1,8 млрд долларов и выводам Королевской комиссии о «массовом провале публичного управления» [28]. Скандал с детскими пособиями в Нидерландах (2021) — ложное обвинение 20 000 семей в мошенничестве с непропорциональным воздействием на этнические меньшинства — повлёк отставку правительства. Визовый streaming-алгоритм Великобритании (2015–2020) использовал национальность как фактор риска и был отменён после судебного иска.

Конвенция Совета Европы об ИИ и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS № 225), открытая для подписания 5 сентября 2024 года, является первым юридически обязывающим международным договором по ИИ [29]. Подписантами стали ЕС, США, Великобритания, Израиль, Япония (наблюдатель). Конвенция устанавливает обязательства по оценке рисков и воздействия на права человека, возможность запретов определённых применений ИИ, создание независимых надзорных органов. Рекомендация ОЭСР по ИИ (2019, обновлена 2024) закрепила 5 ценностных принципов — инклюзивный рост, уважение прав человека, прозрачность, надёжность, подотчётность [30]. К Рекомендации присоединились 47 государств. Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ (2021) — первый глобальный стандарт, применимый к 194 государствам-членам [31]. ISO/IEC 42001:2023 — первый международный сертифицируемый стандарт по системам управления ИИ [32].

Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года (Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019) и Федеральный закон № 123-ФЗ об экспериментальном правовом режиме в Москве формируют нормативную основу российского регулирования [33]. П.М. Мохат разработал концепцию «электронного лица» и «юнита искусственного интеллекта» с гибридной правосубъектностью [34]. Т.Я. Хабриева исследует правовые проблемы идентификации ИИ и право в условиях цифровой реальности [35]. Э.В. Талапина анализирует ИИ в государственном управлении и правовых экспертизах [36]. По данным Совета судей РФ, каждый третий российский суд использует ИИ [37]. Позиция судейского сообщества: ИИ допустим для узкоспециализированных задач, но решения, по существу, должен принимать судья-человек.

Институт искусственного интеллекта в публичном праве находится в стадии активного формирования. Анализ выявляет пять ключевых тенденций. Во-первых, конвергенция принципов при дивергенции моделей: принципы human-centric AI, прозрачности, подотчётности, безопасности присутствуют во всех документах, но институциональные решения существенно различаются. Во-вторых, движение от soft law к hard law: Конвенция СЕ, EU AI Act, закон Южной Кореи свидетельствуют о переходе к обязательному регулированию. В-третьих, экстерриториальность как норма: EU AI Act, китайские положения, закон Южной Кореи применяются к иностранным поставщикам. В-четвёртых, специальное внимание к публичному

сектору. В-пятых, «право на объяснение» как формирующийся институт публичного права.

Для российской науки публичного права актуальны: сравнительный анализ моделей регулирования с учётом конституционно-правовых традиций; исследование механизмов защиты прав граждан от алгоритмических решений; разработка концепции ответственности за вред от ИИ в публичном секторе; адаптация международных принципов (ОЭСР, ЮНЕСКО, Совета Европы) к национальной правовой системе. Представляется необходимым принятие комплексного федерального закона об искусственном интеллекте, учитывающего положительный зарубежный опыт и специфику российской правовой системы.

Литература

1. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). 17 May 2024. https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence
2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // OJ L 2024/1689, 12.7.2024. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng
3. Article 5: Prohibited AI Practices // EU Artificial Intelligence Act. URL: https://artificialintelligenceact.eu/article/5/ (дата обращения: 05.01.2026).
4. Penalties of the EU AI Act: The High Cost of Non-Compliance // Holistic AI. 2024. https://www.holisticai.com/blog/penalties-of-the-eu-ai-act
5. Global Approaches to Artificial Intelligence Regulation // The Henry M. Jackson School of International Studies. University of Washington. 2024. https://jsis.washington.edu/news/global-approaches-to-artificial-intelligence-regulation/
6. A Deep Dive into Colorado's Artificial Intelligence Act // National Association of Attorneys General. 2024. https://www.naag.org/attorney-general-journal/a-deep-dive-into-colorados-artificial-intelligence-act/
7. China's AI Regulations and How They Get Made // Carnegie Endowment for International Peace. July 2023. https://carnegieendowment.org/research/2023/07/chinas-ai-regulations-and-how-they-get-made?lang=en
8. Global AI Governance Law and Policy: China // IAPP. 2024. https://iapp.org/resources/article/global-ai-governance-china
9. Artificial Intelligence Act // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_Intelligence_Act (дата обращения: 05.01.2026).
10. Annex III: High-Risk AI Systems Referred to in Article 6(2) // EU Artificial Intelligence Act. 2024. https://artificialintelligenceact.eu/annex/3/
11. CJEU, Case C-634/21, SCHUFA Holding AG, 7 December 2023. https://www.julia-project.eu/database/case-law/216
12. CJEU confirms «right of explanation» in battle between trade secrets and algorithmic transparency // Stibbe. 2025. https://www.stibbe.com/publications-and-insights/cjeu-confirms-right-of-explanation-in-battle-between-trade-secrets-and
13. AI liability directive // European Parliament Legislative Train Schedule. 2025. https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-europe-fit-for-the-digital-age/file-ai-liability-directive?trk=article-ssr-frontend-pulse_little-text-block
14. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017). https://casebriefsco.com/casebrief/state-v-loomis
15. ProPublica. Machine Bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. 23 May 2016. https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing
16. San Francisco Bans Use Of Facial Recognition Technology By Municipal Government // NPR. May 14, 2019. https://www.npr.org/2019/05/14/723193785/san-francisco-considers-ban-on-governments-use-of-facial-recognition-technology
17. The Movement to Ban Government Use of Face Recognition // Electronic Frontier Foundation. 2022. https://www.eff.org/deeplinks/2022/05/movement-ban-government-use-face-recognition
18. Data protection laws in China // DLA Piper Data Protection Laws of the World. 2024. https://www.dlapiperdataprotection.com/?c=CN
19. China's Social Credit System in 2025: How It Works // China Law Translate. 2025 https://www.chinalawtranslate.com/en/social-credit-action-in-2025/
20. Wang, Nyu & Tian, Michael. (2022). 'Intelligent Justice': AI Implementations in China's Legal Systems. 10.1007/978-3-030-88615-8_10.
21. A pro-innovation approach to AI regulation: Government response to consultation // UK Government. 2024. https://www.gov.uk/government/consultations/ai-regulation-a-pro-innovation-approach-policy-proposals/outcome/a-pro-innovation-approach-to-ai-regulation-government-response
22. Introducing the AI Safety Institute // GOV.UK. 2023. https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-institute-overview/introducing-the-ai-safety-institute
23. South Korea's New AI Framework Act: A Balancing Act Between Innovation and Regulation // Future of Privacy Forum. 2025. https://fpf.org/blog/south-koreas-new-ai-framework-act-a-balancing-act-between-innovation-and-regulation/
24. Directive on Automated Decision-Making // Treasury Board of Canada Secretariat. 1 April 2019. https://www.tbs-sct.canada.ca/pol/doc-eng.aspx?id=32592
25. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency // CSIS. 2023. https://aitransparencyinstitute.com/japans-approach-to-ai-regulation-and-its-impact-on-the-2023-g7-presidency/
26. CJEU landmark ruling on the right of access and automated decision-making // CMS Law. 2023. https://kempitlaw.com/insights/schufa-what-does-the-landmark-cjeu-ruling-on-automated-decision-making-mean-for-businesses/
27. CJEU Clarifies GDPR Rights on Automated Decision-Making and Trade Secrets // Inside Privacy. 2025. https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=aec4b987-2dca-4ed8-8cf7-af53cbfc2674
28. Royal Commission into the Robodebt Scheme (Australia). Final Report. 2023. https://www.apra.gov.au/sites/default/files/2024-02/Robodebt%20Royal%20Commision%20-%20Overview%20of%20Final%20Report.pdf
29. The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. 2024. https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence
30. AI Principles Overview // OECD.AI. 2024. https://www.oecd.org/en/topics/ai-principles.html
31. Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. 2021. https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics

32. ISO/IEC 42001:2023. Information technology — Artificial intelligence — Management system. https://www.iso.org/standard/42001

33. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 07.01.2025).

34. Мохрат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

35. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник РАН. 2024. Т. 94. № 7. С. 609–622.

36. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. №4. С. 865–881.

37. Искусственный интеллект в судах [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_судах (Дата обращения: 07.01.2025).

Institution of artificial intelligence in foreign public law systems

Ivanov S.V.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to a comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence in foreign public law systems. Three basic regulatory models are identified: risk-oriented horizontal (European Union, South Korea), sector-fragmented (USA, Israel), and vertical-control (China). The EU Regulation 2024/1689 (AI Act), establishing the world's first comprehensive AI legal framework based on risk classification of systems, is analyzed in detail. Case law on algorithmic law enforcement is examined, including the landmark State v. Loomis case in the USA and CJEU decisions on automated decision-making. Special attention is paid to the application of AI in public administration, justice, and law enforcement.

Keywords: artificial intelligence, public law, EU AI Act, algorithmic regulation, predictive justice, automated decision-making, human rights, digital governance, comparative law.

References

1. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). 17 May 2024.
2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. OJ L 2024/1689, 12.7.2024.
3. Article 5: Prohibited AI Practices. EU Artificial Intelligence Act. Available at: https://artificialintelligenceact.eu/article/5/ (accessed: 05.01.2026).
4. Penalties of the EU AI Act: The High Cost of Non-Compliance. Holistic AI. 2024.
5. Global Approaches to Artificial Intelligence Regulation. The Henry M. Jackson School of International Studies. University of Washington. 2024.
6. A Deep Dive into Colorado's Artificial Intelligence Act. National Association of Attorneys General. 2024.
7. China's AI Regulations and How They Get Made. Carnegie Endowment for International Peace. July 2023.
8. Global AI Governance Law and Policy: China. IAPP. 2024.
9. Artificial Intelligence Act. Wikipedia. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_Intelligence_Act (accessed: 05.01.2026).
10. Annex III: High-Risk AI Systems Referred to in Article 6(2). EU Artificial Intelligence Act. 2024.
11. CJEU, Case C-634/21, SCHUFA Holding AG, 7 December 2023.
12. CJEU confirms «right of explanation» in battle between trade secrets and algorithmic transparency. Stibbe. 2025.
13. AI liability directive. European Parliament Legislative Train Schedule. 2025.
14. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017).
15. ProPublica. Machine Bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. 23 May 2016.
16. San Francisco Bans Use Of Facial Recognition Technology By Municipal Government. NPR. May 14, 2019.
17. The Movement to Ban Government Use of Face Recognition. Electronic Frontier Foundation. 2022.
18. Data protection laws in China. DLA Piper Data Protection Laws of the World. 2024.
19. China's Social Credit System in 2025: How It Works. China Law Translate. 2025.
20. «Intelligent Justice»: AI Implementations in China's Legal Systems. ResearchGate. 2022.
21. A pro-innovation approach to AI regulation: Government response to consultation. UK Government. 2024.
22. Introducing the AI Safety Institute. GOV.UK. 2023.
23. South Korea's New AI Framework Act: A Balancing Act Between Innovation and Regulation. Future of Privacy Forum. 2025.
24. Directive on Automated Decision-Making. Treasury Board of Canada Secretariat. 1 April 2019.
25. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. CSIS. 2023.
26. CJEU landmark ruling on the right of access and automated decision-making. CMS Law. 2023.
27. CJEU Clarifies GDPR Rights on Automated Decision-Making and Trade Secrets. Inside Privacy. 2025.
28. Royal Commission into the Robodebt Scheme (Australia). Final Report. 2023.
29. The Framework Convention on Artificial Intelligence. Council of Europe. 2024.
30. AI Principles Overview. OECD.AI. 2024.
31. Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO. 2021.
32. ISO/IEC 42001:2023. Information technology — Artificial intelligence — Management system.
33. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 No. 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation»]. SZ RF. 2019. No. 41. Art. 5700. (In Russ.)
34. Morkhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzgljad: Nauchnaja monografija [Artificial Intelligence: A Legal Perspective: Scientific Monograph]. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p. (In Russ.)
35. Khabrieva T.Ya. Pravovye problemy identifikacii iskusstvennogo intellekta [Legal Problems of Artificial Intelligence Identification]. Vestnik RAN. 2024. Vol. 94. No. 7. Pp. 609–622. (In Russ.)
36. Talapina E.V. Iskusstvennyj intellekt i pravovye ekspertizy v gosudarstvennom upravlenii [Artificial Intelligence and Legal Expertise in Public Administration]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2022. Vol. 12. No. 4. Pp. 865–881. (In Russ.)
37. Iskusstvennyj intellekt v sudah [Artificial Intelligence in Courts]. TAdviser. 2024. (In Russ.)